
**ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ**
**THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES
OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY**

УДК 343.2

DOI 10.24147/2542-1514.2017.1(4).129-139

ТРИ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.М. Клеймёнов

Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал), г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
16 июля 2017 г.

Дата принятия в печать –
20 сентября 2017 г.

Дата онлайн-размещения –
20 декабря 2017 г.

Рассматриваются различные модели уголовной политики в условиях глобализации. Выделяются три модели национальной уголовной политики: суверенная, реформистская и экспериментальная. Главными критериями такой дифференциации выступают подверженность глобальному воздействию, криминологическая обоснованность и стабильность уголовной политики. Идентификация модели уголовной политики в конкретном государстве представляет собой сложную задачу, решение которой требует самостоятельного исследования.

Ключевые слова

Глобализация,
криминологическая политика,
безопасность, тоталитарная
уголовная политика,
либеральная уголовная
политика, суверенная уголовная
политика, реформистская
уголовная политика,
экспериментальная уголовная
политика

THREE MODELS OF NATIONAL CRIMINAL POLICY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Ivan M. Kleymenov

Higher School of Economics (St. Petersburg Branch), St. Petersburg, Russia

Article info

Received – 2017 July 16

Accepted – 2017 September 20

Available online – 2017 December
20

The author identifies three models of national criminal policy: the sovereign, reformist and experimental. The main criteria of such differentiation are the exposure to global influence, the criminological soundness and stability of criminal policy. Identification of the model of criminal policy in a particular state is a complex task that requires independent research. The subject. The article is devoted to modeling of the national criminal policy in modern conditions of globalization. The article discusses various models of criminal policy in the conditions of globalization.

Keywords

Globalization, criminology politics,
security, totalitarian criminal
policy, liberal criminal policy,
sovereign criminal policy,
reformist criminal policy, pilot
criminal policy

The purpose of the author is to describe the basic models of national criminal policy in modern conditions of globalization.

The methodology. The author uses the method of analysis and synthesis, formal legal method as well as sociological methods (survey).

The results, scope of application. The author identifies three models of national criminal policy: the sovereign, reformist and experimental. The main criteria of such differentiation are the exposure to global influence, the criminological soundness and stability of criminal policy. The sovereign model is based on doctrine of weak state and a strong combat criminal activity. It is distinguished by the pursuit of the realization of the equality of all before the law, criminal strategic and political planning system with a clear definition of goals and objectives; criminological security. The reform of criminal policy is characterized by

uncertainty goals and objectives, utopianism and pretentiousness, dependence on standards of the international organization, the lower prestige of criminology, reduction of social programs, lobbying of group interests, permanent amendments to the criminal and criminal procedure legislation. Experimental model of criminal policy is connected with approbation of such technologies of management of society that are criminal and contrary to human experience in fighting crime.

Conclusions. Criminal policy of the various states tends by globalist influence more or less. The desire for sovereignty in every sphere, including criminal justice, results the imposition of sanctions by the globalist structures. Reformist penal policy expresses the loss of a strategic, informed criminological development goals of criminal justice, and, as a rule, corresponds to the group, not the public interest. Experimental criminal policy demonstrates a high rate of development and takes a growing place in the globalist projects with an anti-Russian content.

1. Моделирование уголовной политики

Национальная уголовная политика в условиях глобализации развивается в рамках различных моделей, среди которых исследователи выделяют множество видов [1]. Французский компаративист Ж. Прадель предлагает различать две модели уголовной юстиции – авторитарную и либеральную (в зависимости от отношения того или иного государства к уголовной репрессии) [2, с. 159]. К характерным чертам авторитарной модели Ж. Прадель относит, в частности, технику построения неопределенных диспозиций, уголовную наказуемость множества незначительных правонарушений, использование лишения свободы в качестве основного вида наказания, сужение пределов судебного усмотрения при назначении наказания за счет увеличения сроков лишения свободы, отнесение вопроса о досрочном освобождении к компетенции административных органов, сохранение смертной казни как на практике применяющегося вида уголовного наказания, профессионализацию судебного корпуса с отстранением присяжных от уголовного процесса и т. д. Либеральную модель, как считает Ж. Прадель, напротив, характеризуют уважение человеческого достоинства: применительно к преступнику уголовное право этой модели нацелено на его ресоциализацию, а применительно к потерпевшему – на возмещение ему понесенных убытков. Либеральная модель связана с декриминализацией ряда деяний, ранее признававшихся преступными [3, с. 25–26].

Вслед за Ж. Праделем С.В. Иванов выделяет две модели уголовной политики – репрессивную (тоталитарную) и гуманистическую (либерально-демократическую) [4, с. 16].

В приведенных классификациях содержатся изначальная негативная оценка авторитарной и позитивная – либеральной модели уголовной политики. Между тем можно найти положительные

черты в авторитарной модели и отрицательные в либеральной. Так, авторитарная модель обеспечивает более высокий уровень неотвратимости наказания и в целом – высокую степень эффективности контроля над преступностью [5, с. 92]. Кроме того, она находит довольно широкую поддержку среди населения. И не столько в силу идеологической обработки и пресечения инакомыслия, сколько в результате упора на достаточно сильную социальную политику, при которой нет безработицы, развивается производство, регулярно выплачивается заработная плата, у людей появляется уверенность в будущем [6, с. 105]. Напротив, либеральная модель имеет тенденцию становиться псевдолиберальной, превращая уголовно-правовое воздействие в инструмент правящего класса крупных собственников и гарантируя безнаказанность преступников в «белых воротничках». Развитие либеральной модели происходит путем ее трансформации в либерально-олигархическую, а затем в либерально-бюрократическую модель, которая, в свою очередь, имеет перспективу преобразования в криминальную модель уголовной политики, характерную для криминального государства [6, с. 105–122].

Кроме того, дихотомия моделей национальной уголовной политики слишком упрощает ситуацию, оставляя вне поля зрения множество существенных характеристик и признаков. В то же время не вполне ясны научные критерии установленного дихотомического моделирования уголовной политики.

2. Критерии дифференциации моделей национальной уголовной политики

Главными критериями дифференциации уголовной политики в условиях глобализации выступают подверженность внешнему (глобальному) воздействию, криминологическая обоснованность и стабильность уголовной политики.

Подверженность внешнему (глобальному) воздействию характеризует независимость национальной уголовной политики, которая, конечно, является в известной степени эхом политической суверенности. В этом отношении следует во-первых, отметить динамизм складывающейся политической и экономической обстановки, которая меняется также быстро, как меняется сам глобальный мир (или как курс акций на бирже). Во-вторых, обращает на себя внимание интенсивность внешнего воздействия, которая минимизируется для послушных субъектов и максимизируется для непокорных. В третьих, представляет интерес место национальной уголовной юстиции в глобальной юридической системе.

Криминологическая обоснованность уголовной политики означает ее подлинную научность, поскольку без криминологического анализа невозможно знать состояние преступности, криминогенную ситуацию, влияние, намерения и планы криминалитета, активность уголовно-правового реагирования на конфликтные ситуации и многое другое, без чего любое моделирование теряет свое инструментальное значение и превращается в набор штампованных обещаний.

Стабильность уголовной политики характеризует устойчивость избранного курса в противодействии преступности и верность тому позитивному опыту, который накоплен предыдущими поколениями судейского корпуса, сотрудниками полицейских и пенитенциарных органов.

С учетом вышеназванных критериев и анализа процессов глобализации можно выделить три модели национальной уголовной политики: суверенную, реформистскую и экспериментальную. Идентификация модели уголовной политики в конкретном государстве представляет собой сложную задачу, решение которой требует самостоятельного исследования.

3. Суверенная модель национальной уголовной политики

Такая модель основана на доктрине сильного государства и решительного противодействия криминальной активности. Идеология такого подхода получила воплощение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 46/152, одобрившей программу ООН в области предупреждения преступно-

сти и уголовного правосудия (принятой в Версале в ноябре 1991 г.), где сказано: «...любому расширению возможностей и способностей правонарушителей совершать преступления государства должны противопоставить аналогичное расширение возможностей и способностей правоохранительных органов и уголовного правосудия»¹.

На вопрос: «В каком государстве наиболее эффективно организована борьба с преступностью?» – опрошенные нами в мае 2017 г. респонденты ответили: США – 36,7 %; Германия – 35,4 %; Китай – 33,1 %; Англия – 32,3 %; Иран – 24,2 %; Япония – 21,4 %; Саудовская Аравия – 17,8 %; Беларусь – 14,6 %; Израиль – 12,8 %; иные – 8,4 %.

США являются сильным – в уголовно-политическом смысле – государством. Как замечает Ф. Фукуяма, американское государство крайне строго: оно имеет на разных уровнях – федеральном, штатов и местном – целый набор силовых структур, обеспечивающих соблюдение всех законов [7, с. 20]. В уголовном законодательстве многих штатов США существует наказание в виде смертной казни, которая реально применяется. США находятся на первом месте в мире по уровню тюремного населения. Декларируя приверженность демократическим ценностям, краеугольным камнем которых выступают права человека, система уголовной юстиции США не склонна рефлектировать при решении дилеммы «права человека – безопасность общества и государства». Она быстро решается в пользу общественных и государственных интересов. При этом власти США соотносятся исключительно с национальными интересами.

Так, после событий 11 сентября 2001 г. в США принят «Закон 2001 года, сплачивающий и укрепляющий Америку обеспечением надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма и воспрепятствования ему», получивший наименование «Патриот Акт». Закон включает десять разделов. Первый раздел определяет направления усиления мер внутренней безопасности, обеспечивающих предупреждение терроризма. Второй раздел характеризует различные аспекты наблюдения за лицами, подозреваемыми в террористической деятельности. В третьем разделе установлены меры противодействия финансированию терроризма на основе законодательства, препятствующего отмы-

¹ Декларация принципов и программа действий программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: Приняты резолюцией 46/152 Генераль-

ной Ассамблеи от 18 декабря 1991 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/crime91.shtml.

ванию денег. Четвертый раздел посвящен обеспечению пограничной безопасности, включая выдачу виз, процессы иммиграции и натурализации. Пятый – выплата вознаграждений за участие в борьбе с терроризмом, ДНК-идентификации террористов и насильственных преступников, дополнению регистрационных учетов сведениями о террористах и антитеррористической деятельности. Шестой – компенсации ущерба и оказанию помощи жертвам терроризма (включая пострадавших сотрудников спецслужб) и членам их семей. Седьмой – расширению перечня сведений об общественно опасных явлениях, включаемых в региональные базы данных. Восьмой – вопросам уголовного права. Особое внимание здесь уделено вопросам противодействия новым видам терроризма – биотерроризму и кибертерроризму. Девятый раздел определяет приоритеты совершенствования разведывательной деятельности в борьбе с терроризмом, включая аналитическую разведку. Десятый раздел аккумулирует различные правовые нормы, которые не вошли в предыдущие разделы Патриот Акта. Здесь, в частности, устанавливается система грантов для поддержки программ предупреждения терроризма².

Патриот Акт неоднократно дополнялся отдельными законами (2004, 2005, 2006, 2011 гг.). Общая направленность внесенных дополнений и изменений касалась совершенствования деятельности по выявлению террористических угроз и предупреждению терроризма, оптимизации правового инструментария и организации борьбы с терроризмом. Так, в структуре Министерства юстиции в 2005 г. на основании билля, дополняющего Патриот Акт, создан Департамент национальной безопасности *National Security Division (NSD)*. Он объединил в своей деятельности функции обеспечения национальной безопасности и разведки. *NSD* взаимодействует с Агентством национальной безопасности США и другими субъектами Разведывательного сообщества США [8].

Что касается криминологической обоснованности уголовной политики, то в США она четко фиксируется, начиная с 1969 г., когда Президентская комиссия по правоприменению и организации правосудия опубликовала отчет «Вызов преступности в свободном обществе». Этот отчет содержал более 200 рекомендаций по предупреждению преступлений и борьбе с преступностью. Некоторые из этих

рекомендаций получили воплощение в Законе по контролю над преступностью в общественном транспорте и на улицах 1968 г. Этим законодательным актом было создано **Агентство по обеспечению правоприменения** (*Law Enforcement Assistance Administration, LEAA*). Оно просуществовало до 1982 г., и в круг его обязанностей входили разработка исследовательских, образовательных программ в сфере предупреждения преступности, внедрение в практику локальных криминологических инициатив.

В настоящее время криминологическая и уголовная политика разрабатывается **Управлением программ юстиции** (*Office of Justice Programs, OJP*) Министерства юстиции США, которое фокусирует свое внимание на предупреждении преступлений путем проведения криминологических исследований и развития правовых инициатив на основе предоставления грантов и оказания помощи жертвам преступлений. Создано в 1984 г. Его главой является заместитель Генерального прокурора США.

В структуру *OJP*, в частности, входят:

1. **Национальный институт правосудия** (*National Institute of Justice, NIJ*). Разрабатывает передовые технологии для нужд криминальной юстиции на стыке криминологии, уголовного процесса и социологии, включая процедуры правоприменения и коррекции. Постоянное внимание уделяется картографированию преступности, информационным технологиям.

2. **Бюро оказания помощи правосудию** (*The Bureau of Justice Assistance, BJA*). Миссия *BJA* – осуществлять стратегическое руководство уголовной политикой и оказывать помощь в ее реализации на различных уровнях. Бюро имеет две главные цели: способствовать предупреждению преступности и улучшать функционирование системы уголовной юстиции. Бюро осуществляет свою деятельность по трем направлениям: национальная уголовная политика, уголовная политика штатов и планирование уголовной политики. Первое направление имеет стратегический характер, второе – тактический, обеспечивая решение вопросов координации и коммуникации. Планирование уголовной политики обеспечивает организационное и финансовое сопровождение программных мероприятий.

3. **Служба для жертв преступлений** (*The Office for Victims of Crime, OVC*), в задачи которой входит

² USA PATRIOT Act. URL: <https://epic.org/privacy/terrorism/hr3162.html> (дата обращения: 14.07.2017).

разработка программ оказания виктимологической помощи.

4. **Служба поддержки развития** (*The Community Capacity Development Office, CCDO*). Она поддерживает усилия местных общин по снижению уровня преступности и повышению качества жизни. Имеет свой веб-сайт, куда может обратиться любой желающий, с тем чтобы воспринять позитивный опыт и использовать его в практической деятельности.

Следует, правда, отметить, что суверенная уголовная политика США во многом противоречива. С одной стороны, доказываемая эффективность политики «нулевой толерантности» (*zero tolerance policing*), которая означает нетерпимость к преступности, суровость правового воздействия и реагирование на любые (даже мелкие) правонарушения [9]. С другой стороны, в ряде штатов легализуются «мягкие» наркотики (*soft drugs*)³. США находятся на первом месте в мире по уровню «тюремного населения». В то же время в тюрьмах процветает бандитизм. Поэтому США являются примером эффективной уголовной политики не во всех чертах и далеко не по всем направлениям.

Суверенную уголовную политику демонстрирует Китайская Народная Республика. Об этом прямо заявлено в ст. 1 Уголовного кодекса КНР, которая гласит: «Настоящий Кодекс разработан с целью наказания преступников, защиты народа в соответствии с Конституцией, сочетает конкретный опыт борьбы с преступностью и реальную ситуацию в Китае»⁴. Китайские ученые в своем большинстве отождествляют уголовную ответственность с репрессией, широкое применение которой способствует сдерживанию роста преступности в китайском обществе, а смертная казнь отвращает потенциальных преступников от желания совершить преступление [10, с. 76–182].

Политическое руководство КНР определяет основные направления борьбы с преступностью и контролирует выполнение руководящих указаний. ЦК КПК обнародовал Правила по сохранению честной политической деятельности для руководителей-членов КПК, в которых сформулированы 52 запрета для членов коммунистической партии⁵. Иссле-

дователи отмечают бескомпромиссность руководства КПК в вопросах борьбы с явлениями коррупции и организованной преступности [11; 12].

В соответствии с ч. 1 ст. 383 УК КНР коррупция, совершенная отдельным лицом на сумму 100 тыс. юаней и более, наказывается лишением свободы на срок десять и более лет либо пожизненным лишением свободы, в качестве дополнительного наказания может применяться конфискация имущества; при особо отягчающих обстоятельствах наказывается смертной казнью, в качестве дополнительного наказания применяется конфискация имущества. Особо отягчающим обстоятельством чаще всего признается высокое должностное положение коррупционера. Только за период с 2000 по 2010 г. в Китае было расстреляно за коррупцию около 10 тыс. чиновников. При этом высокие должности и прошлые заслуги перед государством во внимание не принимаются⁶.

В основе уголовно-политической стратегии КНР находится концепция превентивных ударов по организованной преступности и коррупции. Такие удары наносятся в виде кампаний, а также в процессе текущей работы. При этом в центре внимания находятся коррупционеры, которые выступают покровителями структур организованной преступности. Важное значение придается организации взаимодействия между различными правоохранительными органами, а также мобилизации всех слоев населения [13, с. 122–123].

Модели суверенной уголовной политики придают следующие позитивные свойства (качественные признаки):

- независимость: государство руководствуется собственным видением адекватного ответа на криминальные вызовы;
- стремление к реализации равенства всех перед законом;
- стратегическое уголовно-политическое планирование с четким системным определением целей и задач;
- криминологическое обеспечение, что проявляется в разработке криминологического законодательства, наличии криминологической организаци-

³ Баталов А. «Трава у дома». В США легализовали марихуану // PARK72.ru. 2014. 11 января. URL: <http://park72.ru/world/24289/> (дата обращения: 14.07.2017).

⁴ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Х.М. Ахметшин, Н.Х. Ахметшин, А.А. Петухов // Современное уголовное законодательство КНР. М.: Муравей, 2000. С. 254.

⁵ 52 запрета: борьба с коррупцией в Китае // Жэньминь Жибао. 2011. 23 июня. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7417910.html> (дата обращения: 14.07.2017).

⁶ Шароградский А. Охота на крупного зверя // Радио Свобода. 2014. 29 декабря. URL: <https://www.svoboda.org/a/26767963.html> (дата обращения: 14.07.2017).

онной структуры в правоохранительных органах, подготовке специалистов криминологического профиля;

- внимание решению проблем социальной политики;

- реалистичность, соответствие достигнутых результатов заданным целям.

В то же время модель суверенной политики не является идеальной, ее характеризуют и негативные свойства, к которым следует отнести излишне широкие права служащих полиции и других силовых структур, произвол в обращении с задержанными лицами и осужденными⁷, преследование лиц по этническим, религиозным или социально-политическим признакам⁸.

5. Реформистская уголовная политика

Для реформистской уголовной политики характерны:

- перманентное реформирование (законодательства, организационной структуры, условий правоприменения);

- неопределенность целей и задач: они постоянно меняются и модернизируются;

- утопизм: закрепление правовых механизмов, которые не могут быть реализованы;

- зависимость от стандартов международных организаций и экспертов (в особенности на этапе разработки новых законов в период начальных реформ);

- декларативность: расхождение между поставленными задачами и достигнутыми результатами;

- слабое (тенденциозное) научное обоснование, занижение престижа криминологии; отказ от использования ее потенциала в практической деятельности;

- постоянное внесение изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство;

- лоббирование групповых интересов;

- свертывание социальных программ по устранению криминогенных факторов (нищеты, безработицы, алкоголизма и пр.).

Реформистскую уголовную политику следует отличать от модернизационной модели, которая,

выражая императив своевременного реагирования на изменения криминологической обстановки, осуществляется на основе научных данных и с использованием сил ученых; изменения вносятся периодически (на кумулятивной основе); ее цели и задачи реалистичны; основное внимание уделяется укреплению социальной базы.

Следует подчеркнуть негативное влияние глобального фактора на формирование и реализацию реформистской уголовной политики. Такое воздействие выражается, во-первых, в навязывании политики снижения уровня жизни населения (за счет сокращения дотационных расходов, удорожания тарифов и др.) [14]. В результате население нищает, маргинализируется и криминализируется, а стратегия профилактики преступлений дискредитируется. Во-вторых, глобальные структуры нередко пытаются разрушить (по различным причинам) здоровые секторы управления и экономики и делают это, используя механизмы криминального лоббирования [15]. В-третьих, в систему уголовной юстиции внедряются международные подходы, глобальные оценки и эксперты, перед которыми ставится задача деконструкции [16].

Признаки реформистской модели уголовной политики просматриваются в законодательстве и практике противодействия преступности многих постсоветских государств. Реформистская политика характерна для Российской Федерации. После принятия УК РФ в 1996 г.⁹ и УПК РФ в 2001 г.¹⁰ в них внесено большое количество изменений, нередко противоречивых и недостаточно научно обоснованных. На это указывали многие участники парламентских слушаний на тему «Совершенствование законодательства в сфере уголовной правовой политики»¹¹. «Высокий динамизм законодательных изменений, – справедливо отмечает В.К. Дуюнов, – который в целом следует отнести к достоинствам законотворческой деятельности, в таких случаях, когда принимаются решения, недостаточно продуманные, противоречивые, не обоснованные социальными изменениями и не

⁷ Комитет Сената США: высокопоставленные должностные лица виновны в издевательствах над заключенными // Amnesty International. 2008. 19 декабря. URL: <https://amnesty.org.ru/node/1188/> (дата обращения: 14.07.2017).

⁸ Китайская Народная Республика: уйгуры спасаются от преследования, в то время как Китай объявляет войну терроризму // Amnesty International. 2004. 7 июля. URL: <https://amnesty.org.ru/node/339/> (дата обращения: 14.07.2017).

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Стенограмма парламентских слушаний на тему «Совершенствование законодательства в сфере уголовно-правовой политики». 2013. 18 ноября. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/41d4a3d29393c52a1bd0.pdf> (дата обращения: 14.07.2017).

опирающиеся на научную базу, обращается в свою противоположность, становится недостатком, разрушающим стабильность законодательства, которая является, пожалуй, более важным, чем изменчивость, условием его эффективности» [17, с. 15].

Исследователи российской уголовной политики полагают, что она находится в критическом состоянии, и оценивают как весьма вероятные пессимистические сценарии ее развития [18, с. 13–59]. «Наше общество все тревожней воспринимает опасность современной преступности, ее явно возрастающие организованность, мобильность, агрессивность, ее сращивание со структурами власти. При всем при этом отмечаются ее фактическая безнаказанность как следствие несовершенства реализуемой в нашей стране уголовно-правовой политики, нестабильности уголовно-правовых мер борьбы с преступностью, особенно в сфере экономики, серьезных недостатков уголовно-процессуального законодательства, искусственно ограничивающего возможности правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений, непоследовательности и несбалансированности мер по совершенствованию всей системы уголовного судопроизводства» [19]. Не случайно уже несколько лет ставится вопрос о разработке новых УК и УПК РФ [20]. В то же время преступность и коррупция достигли такого уровня развития, что только мерами уголовно-правового характера с ними справиться невозможно: необходим комплексный подход к формированию уголовной политики, который опирается на криминологические основания, восстановление и развитие реального сектора экономики, эффективный контроль за распределением и расходованием бюджетных средств, укрепление судебной власти, совершенствование правоохранительной системы [21, с. 268–296].

В реформистской модели существенно снижен антикриминогенный потенциал правоохранительной деятельности. До минимума свернута работа по правовому воспитанию и правовому обучению населения, ослаблено внимание к вопросам криминологической профилактики в учебной работе юридических вузов, в научно-исследовательской деятельности [22]. Очевидно в реформаторском подходе капиталистическое мировоззрение, в котором слова о гуманности значительно расходятся с реальностью [23].

¹² Выступление Сергея Нарышкина на конференции «К 150-летию судебной реформы в России: законодательная политика по совершенствованию судебной системы – история и современность» 26 сен-

6. Экспериментальная уголовная политика

Такая модель уголовной политики связана с апробацией таких технологий управления социумом, которые противоречат общечеловеческому опыту борьбы с преступностью. Она бывает тотальной и парциальной (ограниченной).

Полигоном *тотальной экспериментальной* уголовной политики становятся целые государства, где реализуются криминальные и криминогенные проекты глобализма. Человечество знакомо с такими экспериментами по Кампучии периода власти красных кхмеров (1975–1978 гг.) [24] и по Руанде во время массового уничтожения этноса тутси этносом хуту (1994 г.).

В настоящее время разворачивается очередная экспериментальная модель уголовной политики в Ираке, Ливии, Сирии, Украине. Возникшее в результате глобального криминального проектирования «Исламское государство Ирака и Леванта» устанавливает на захваченной территории режим террора, осуществляя массовые казни людей по признакам вероисповедания, национальности, рода занятий [25].

Во всех этих проектах просматривается роль сил глобализма, которые создают криминальные ареалы. Затем в таких ареалах формируются очаги активного противостояния по религиозным, этническим или идеологическим признакам. В социальных конфликтах поддерживается сторона, которая выполняет указания глобальных акторов. Этой стороне разрешается любая незаконная практика подавления своих противников. Законность, которая является фундаментальным принципом сильной и реформируемой уголовной политики, подвергается разрушению. «К сожалению, – замечает С.В. Нарышкин, – в наши дни мы видим... картину, когда даже некоторые международные структуры и международные организации расписались в нежелании оценить внутриукраинский конфликт с юридической точки зрения. В неготовности осудить ни вооруженный госпереворот, ни убийство мирных жителей. Беспристрастный анализ ситуации многим на Западе невыгоден. Нельзя умалчивать и о других ангажированных решениях, в том числе, к сожалению, и судебных»¹².

Парциальная экспериментальная уголовная политика имеет отношение к реализации «сме-

тября 2014 г. URL: http://www.gosduma.net/analytics/publication-of-legal-department/36_150_let_sudebnoi.pdf (дата обращения: 14.07.2017).

лых» инноваций в сфере противодействия криминальному поведению, как правило, связанных с легализацией криминальных и криминогенных видов девиантного поведения. Так, в Голландии давно осуществляется проект легализации «мягких» наркотиков, в стране разрешена эвтаназия. Эвтаназия легализована в Бельгии, Канаде, штатах Орегон и Вермонт США. В Португалии в 2001 г. декриминализовано хранение наркотических средств для личного потребления (в количестве среднестатистических десяти дневных доз), включая героин и кокаин [26]. Несмотря на имеющиеся высокие оценки таких проектов [27; 28], следует обратить внимание, что они:

– имеют явно заказной характер и выражают дух тех глобальных инициатив, которые преследуют цель депопуляции населения планеты;

– направлены на подмену реальной картины симулякрами (например, объявляется о снижении потребления наркотиков в результате их декриминализации; в то же время не учитывается, что возрастает относительное число лиц, обращающихся к услугам заместительной терапии); иными словами, меняются оценки, а не реальная обстановка;

– способствуют появлению новых, более злокачественных проявлений порока, например в Голландии выведен новый сорт марихуаны (*nederweit*) с повышенным содержанием ТНС – вещества, вызывающего эйфорию;

– создают инфраструктуру наркопотребления (продаются семена для выращивания кустов марихуаны, даются рекомендации по уходу за ними и т. д.), тем самым население вовлекается в процесс производства наркотиков;

– облегчают процессы коррумпирования сотрудников правоохранительных органов наркомафией;

– влекут криминализацию системы здравоохранения;

– разрушают духовно-нравственные скрепы общества и государства [29–31].

7. Выводы

Уголовная политика различных государств мира подвержена в большей или меньшей степени глобалистскому воздействию. Стремление к суверенности в любой сфере, включая уголовную юстицию, влечет введение санкций со стороны глобалистских структур.

Реформистская уголовная политика выражает утрату стратегических, криминологически обоснованных целей развития уголовной юстиции, означает бегство от проблем, а не их решение, и, как правило, соответствует групповым, а не государственным интересам.

Экспериментальная уголовная политика демонстрирует высокие темпы развития и занимает все большее место в глобалистских проектах, главный из которых имеет антироссийское содержание.

Оптимизация уголовной политики предполагает создание ее идеальной модели, которая, включив в себя положительный международный опыт в сфере противодействия криминализации и преступности в условиях глобализации, будет в состоянии учесть национальные особенности криминологической обстановки и обеспечить собственную суверенность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чаадаев С.Г. Контроль над преступностью в государствах англосаксонской системы права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С.Г. Чаадаев. – М., 1992. – 41 с.
2. Головки Л.В. [Рец. на кн.:] Ж. Прадель. Сравнительное уголовное право / Л.В. Головки // Государство и право. – 1996. – № 6. – С. 158–160.
3. Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права / Г.А. Есаков. – М.: Элит, 2007. – 152 с.
4. Иванов С.В. Уголовная политика Российской Федерации: политолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Иванов. – Екатеринбург, 2006. – 27 с.
5. Лунеев В.В. Преступность в СССР: основные тенденции и закономерности / В.В. Лунеев // Советское государство и право. – 1991. – № 8. – С. 90–97.
6. Клейменов И.М. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности / И.М. Клейменов, А.В. Пронников. – Омск: Полигр. центр КАН, 2010. – 195 с.
7. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2010. – 222 с.
8. Цибуля А.Н. К вопросу о состоянии информационной безопасности государства в условиях современных вызовов и угроз / А.Н. Цибуля, В.А. Гордин // Военно-юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 20–23.

9. Marshall J. Zero Tolerance Policing: Information bulletin № 9 / J. Marshall. – Office of Crime Statistics, March 1999. – URL: http://www.ocsar.sa.gov.au/docs/information_bulletins/IB9.pdf (дата обращения: 14.07.2017).
10. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии / под ред.: В.И. Лафитский. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Контракт, 2013. – 704 с.
11. Беляков А.В. Борьба с коррупцией и организованной преступностью в КНР в период реформ и открытости (1978–2005 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Беляков. – М., 2005. – 32 с.
12. Пан Дунмэй. Проблемы преступности несовершеннолетних и борьба с ней в КНР / Пан Дунмэй // *Lex Russica*. – 2013. – № 4. – С. 391–400.
13. Синь Янь. Борьба с мафией в Китае / Синь Янь, Н.П. Яблоков. – М.: Норма, 2006. – 192 с.
14. Lampietti J. People and Power: Electricity Sector Reforms and the Poor in Europe and Central Asia / J. Lampietti, S. Banerjee, A. Branczic. – Washington, 2006. – 258 p.
15. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы / Дж. Перкинс. – М.: Претекст, 2012. – 272 с.
16. Каляшин А.В. К вопросу демилитаризации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / А.В. Каляшин // *Административное и муниципальное право*. – 2014. – № 12. – С. 1225–1233. – DOI: 10.7256/1999-2807.2014.12.12503.
17. Дуюнов В.К. Реформирование уголовного законодательства должно быть обоснованным / В.К. Дуюнов // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право»*. – 2012. – № 1(11). – С. 12–18.
18. Алексеев А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, Э.Ф. Побегайло, В.С. Овчинский. – М.: Норма, 2006. – 144 с.
19. Волинский А.Ф. Новый УПК Украины – ответ на вызовы современной преступности или...? / А.Ф. Волинский, В.В. Волинский // *Российский следователь*. – 2013. – № 5. – С. 39–43.
20. Наумов А.В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция Кодекса? / А.В. Наумов // *Общество и право*. – 2010. – № 5. – С. 13–17.
21. Голик Ю.В. Коррупция как механизм социальной деградации / Ю.В. Голик, В.И. Карасев. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2005. – 329 с.
22. Герасимов С.И. Организация криминологической профилактики в городе Москве (опыт и перспективы) / С.И. Герасимов. – М.: Щит-М, 2000. – 272 с.
23. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрист, 2003. – 352 с.
24. Колеман Дж. Комитет 300 / Дж. Колеман. – М.: Витязь-М, 2006. – 320 с.
25. Кочои С.М. «Исламское государство»: от терроризма к геноциду / С.М. Кочои // *Журнал российского права*. – 2014. – № 12. – С. 61–72.
26. Гринвольд Г. Декриминализация наркотиков в Португалии / Г. Гринвольд // *Полит.ру*. – 2009. – 13 июля. – URL: <http://polit.ru/article/2009/07/13/portugaldrugs/> (дата обращения: 14.07.2017).
27. Hughes C.E. What can we learn from the Portugues decriminalization of Illicit drugs? / C.E. Hughes, A. Stevens // *British Journal of Criminology*. – 2010. – Vol. 50. – P. 999–1022.
28. Ищенко Е.П. Эвтаназия: за и против / Е.П. Ищенко // *Lex Russica*. – 2013. – № 3. – С. 320–330.
29. Порох В.И. Юридические и медико-этические аспекты эвтаназии и перспективы ее легализации в России / В.И. Порох, В.А. Катрунов, Е.В. Засыпкина // *Современное право*. – 2013. – № 2. – С. 62–65.
30. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление / О.С. Капинус. – М.: Буквоед, 2006. – 400 с.
31. Клейменов И.М. Сравнительная криминология: анализ правовых систем / И.М. Клейменов. – Омск: Изд-во Ом. ин-та предпринимательства и права, 2004. – 258 с.

REFERENCES

1. Chaadaev S.G. *Crime Control in States of the Anglo-Saxon system of law*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 1992. 41 p. (In Russ.).
2. Golovko L.V. J. Pradel. Comparative criminal law, a review. *Gosudarstvo i pravo*, 1996, no. 6, pp. 158–160. (In Russ.).
3. Esakov G.A. *Foundations of comparative criminal law*. Moscow, Elit Publ., 2007. 152 p. (In Russ.).
4. Ivanov S.V. *Criminal policy of the Russian Federation: politological and criminological and criminal-legal aspects*, Cand. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 2006. 27 p. (In Russ.).

5. Luneev V.V. Crime in the USSR: basic trends and patterns. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1991, no. 8, pp. 90–97. (In Russ.).
6. Kleymenov I.M., Pronnikov A.V. *Criminal legal policy in the sphere of counter economic crime*. Omsk, KAN Publ., 2010. 195 p. (In Russ.).
7. Fukuyama F. *State building. Governance and World Order in the Twenty-First Century*. Moscow, AST Publ., 2010. 222 p. (In Russ.).
8. Tsibulya A.N., Gordin V.A. On the issue of the state of informational security of the state in conditions of contemporary challenges and menaces. *Voенно-юридический журнал = Military-law Journal*, 2014, no. 3, pp. 20–24. (In Russ.).
9. Marshall J. *Zero Tolerance Policing*, Information bulletin no. 9. Office of Crime Statistics, March 1999. Available at: http://www.ocsar.sa.gov.au/docs/information_bulletins/IB9.pdf (accessed July 14, 2017).
10. Lafitsky V.I. (ed.). *Comparative Law: National Legal Systems. Vol. 3. Asian legal systems*. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., Kontrakt Publ., 2013. 704 p. (In Russ.).
11. Belyakov A.V. *The fight against corruption and organized crime in China in the reform period, and openness (1978-2005)*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2005. 32 p. (In Russ.).
12. Pan Dunmay. The problem of juvenile crime and control in China. *Lex Russica*, 2013, no. 4, pp. 391–400. (In Russ.).
13. Xin Yan, Yablokov N.P. *Anti-mafia in China*. Moscow, Norma Publ., 2006. 192 p. (In Russ.).
14. Lampietti J., Banerjee S., Branczic A. *People and Power: Electricity Sector Reforms and the Poor in Europe and Central Asia*. Washington, 2006. 258 p.
15. Perkins J. *Confessions of an Economic Hit Man*. Moscow, Pretekst Publ., 2012. 272 p. (In Russ.).
16. Kalyashin A.V. To the Subject of Demilitarization of the Penal Enforcement System of the Russian Federation. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo = Administrative and municipal law*, 2014, no. 12, pp. 1225–1233. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.12.12503. (In Russ.).
17. Duyunov V.K. Reform of criminal legislation should be obsoleted. *Vestnik samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya "Pravo"*, 2012, no. 1(11), pp. 12–18. (In Russ.).
18. Alekseev A.I., Pobegailo E.F., Ovchinsky V.S. *Russian criminal policy: overcoming the crisis*. Moscow, Norma Publ., 2006. 144 p. (In Russ.).
19. Voly'nskij A.F., Voly'nskij V.V. IS The new Criminal procedure code of Ukraine the answer to challenges of contemporary crime or...? *Rossiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2013, no. 5, pp. 39–43. (In Russ.).
20. Naumov A.V. The Problems to codifications russian criminal legislation: the new Penal code or new editing of the Code? *Obshchestvo i pravo = Society And Law*, 2010, no. 5, pp. 13–17. (In Russ.).
21. Golik Yu.V., Karasev V.I. *Corruption as a mechanism of social degradation*. St. Petersburg, Yyuridicheskii tsentr Press Publ., 2005. 329 p. (In Russ.).
22. Gerasimov S.I. *The organization of criminological prevention in the city of Moscow (experience and perspectives)*. Moscow, Shchit-M Publ., 2000. 272 p. (In Russ.).
23. Kudryavtsev V.N. *The strategy of the fight against crime*. Moscow, Yurist Publ., 2003. 352 p. (In Russ.).
24. Koleman D. *The Committee of 300*. Moscow, Vityaz-M Publ., 2006. 320 p. (In Russ.).
25. Kochoi S.M. "The Islamic State": from Terrorism to Genocide. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2014, no. 12, pp. 61–72. (In Russ.).
26. Greenwald G. Drug Decriminalization in Portugal. *Polit.ru*, July, 13, 2009. Available at: <http://polit.ru/article/2009/07/13/portugaldrugs/> (accessed July 14, 2017). (In Russ.).
27. Hughes C.E., Stevens A. What can we learn from the Portugues decriminalization of Illicit drugs? *British Journal of Criminology*, 2010, vol. 50, pp. 999–1022.
28. Ishchenko E.P. Euthanasia: for and against. *Lex Russica*, 2013, no. 3, pp. 320–330. (In Russ.).
29. Poroh V., Katrunov V., Zasypkina E. Legal, Medical and Ethical Aspects of Euthanasia and Prospects for its Legalization in Russia. *Sovremennoe pravo = The Modern Law*, 2013, no. 2, pp. 62–65. (In Russ.).
30. Kapinus O.S. *Euthanasia as a socio-legal phenomenon*. Moscow, Bukvoed Publ., 2006. 400 p. (In Russ.).
31. Kleymenov I.M. *Comparative criminology: an analysis of legal systems*. Omsk, OmIPP Publ., 2004. 258 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клеймёнов Иван Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права
Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал)
198099, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17
e-mail: piliggrim111@mail.ru.
SPIN-код: 9166-9294; AuthorID: 343510

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Клейменов И.М. Три модели национальной уголовной политики в условиях глобализации / И.М. Клейменов // *Правоприменение*. – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 129–139. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(4).129-139.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ivan M. Kleymenov – Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law
Higher School of Economics (St. Petersburg Branch)
17, Promyshlennaya ul., St. Petersburg, 198099, Russia
e-mail: piliggrim111@mail.ru
SPIN-code: 9166-9294; AuthorID: 343510

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kleymenov I.M. Three models of national criminal policy in the context of globalization. *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 4, pp. 129–139. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(4).129-139. (In Russ.).